

Былова В. (Херсон, Украина)

Первые поселения эпохи раннего железа на берегах Нижнего Днепра относятся к IV-первой четверти III вв. до н.э. (Былова 1991). В это время рассматриваемый регион не входил в ареал распространения керамики фракийского облика, ее не выделяли ни на скифских поселениях, ни в инвентаре скифских погребений, ни на памятниках восточной части сельской округи Ольвии (Марченко 1974, 159; Мелюкова 1979, 182; Гаврилюк 1981, 58; Гаврилюк, Былова, Кравченко 1992, I, 27-29, II, 23-25; Буйских, Былова 1994, 31-34). На внутренней территории региона керамика фракийских (в широком смысле слова) типов появилась только с возникновением позднескифских городищ, ее присутствие отметили сразу их первые исследователи (Фабрициус 1930, 116-117; Погребова 1958, 136-139, 208-211, 244-247; Дмитров, Зуц, Копилов 1961; Елагина 1962, 75; Вязьмитина 1962, 125-128) и появилась специальная работа, посвященная характеристике фракийских черт в материальной культуре населения, оставившего эти памятники (Вязьмитина 1969). На причерноморской территории в римское время возникают городища ольвийской сельской округи, в керамическом комплексе которых отражено влияние гето-дакийской культуры, причем это касается и памятников, расположенных восточнее Ольвии (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989, 191-193).

Расширение базы археологических источников в результате активного археологического исследования поселений на Нижнем Днепре в последние десятилетия прошлого века создает необходимость введения в научный оборот полученных данных. Следует также учесть возникновение новых проблем, связанных с корректировкой хронологии существования памятников.

Поселения IV-первой четверти III в. до н.э.

В эту хронологическую группу входят скифские памятники внутренней территории региона и несколько поселений, расположенных на северо-восточном побережье Днепровского лимана и в устье Днепра. Раскопки автора на *Белозерском* поселении зафиксировали появление единичных находок керамики гето-фракийского облика.

Белозерское поселение расположено в устье Днепра, на правом его берегу (рис. 1, № 3). По культуре памятник близок к поселениям ольвийской сельской округи в Нижнем Побужье (Былова 1994). В основном раскопе IV площадью более 2000 м² найдены два практически целых фракийских сосуда и фрагменты еще двух (рис. 2/1, 3-5). Они обнаружены в синхронных комплексах периода большой перестройки, осуществленной на поселении в начале последней четверти IV в. до н.э., и в объектах следующего периода застройки. В самых ранних грунтовых объектах подобная керамика не встречена. Ниже предлагается описание артефактов в археологическом контексте.

В закрытом комплексе - в заполнении цистерны № 56 - найден разбитый сосуд, полностью склеенный (рис. 2/3). Он тюльпановидной формы, высота его около 30 см, диаметры тулова - 23 см, венчика - 18 см, дна - 12 см. Орнаментирован он следующим образом: рельефный валик проходит

по окружности в верхней части тулова и опускается полукрутами, занимая срединное пространство до сужающейся придонной части тулова. Валик представляет собой широкую ленту с пальцево-ногтевыми вдавлениями и четырьмя округлыми налепами. Край венчика плоско срезан и слегка отогнут. Небольшая часть венчика откололась в древности, но сосуд продолжали использовать. Тулово следов лощения не имеет, заглажены края венчика и дна. Закопчен сосуд только в верхней части, до уровня горизонтального налепного валика. Сделан он из керамического теста с примесью частиц шамота, обожжен неровно. Как формой, так и принципом орнаментации сосуд резко выделяется в группе лепной керамики Белозерского поселения (рис. 3). Принцип орнаментации типичен для фракийской керамики (Teodor 1995, 29). Горшок может быть отнесен к типу VIb, наиболее близкой, хотя и не полной аналогией, являются сосуды из Scela Cladovei и Brailita (Moscalu 1983, pl. XXIII, 4; XXIV, 9). Орнаментация гирляндами налепных валиков в сочетании с налепами находит аналогии в керамике поселений Днестро-Дунайского междуречья (Arnăut 2003, 85, fig. 50/4). Похожий сосуд большего размера найден на поселении Пивденное на западном берегу Днестровского лимана, приведена аналогия с территории Румынии (Сальников 1966, 200, №2). Точная аналогия в материалах Ольвии нам не известна, но подобный тип выделен. Отмечено, что появляются такие горшки во второй половине - конце IV в. до н. э., а со второй половины III в. до н. э. почти полностью исчезает валиковая орнаментация и ручки-упоры превращаются в маленькие "шишечки" (Марченко 1975, 72, тип II).

Условия находки описанного выше сосуда таковы. На дно цистерны №56 (глубина ее с учетом отстойника - 4,73 м) было сброшено вместе с золой большое количество мусора, в котором насчитано около 500 керамических фрагментов. В верхней части этого золистого заполнения, которое прослежено с глубины 3,5 м от горловины цистерны, был найден череп ребенка и кости животных. Кроме керамического мусора (обломков посуды, черепицы и в наибольшем количестве амфор) были найдены целая гераклейская амфора и чернолаковый лекиф, а из узких хроноиндикаторов - фасосское клеймо Навсона с датировкой 335-325 гг. до н.э. (Debidour 1986) или же 316-311гг. до н.э. (Avram 1996, №269). Сверху над золой было обнаружено глинистое заполнение толщиной около 2м, в нем в большом количестве найдены кости домашних животных, их черепа, обломки панцирей черепах, а также фрагменты сероглиняной, красноглиняной, чернолаковой, лепной керамики, амфорной тары, черепицы. Выше этого заполнения яма была засыпана от устья до глубины 1,5-1,6 м темным грунтом, в котором не было никаких находок, кроме обломков облицовки верхней части цистерны. Описанный горшок в развале найден в самой верхней части светлого глинистого заполнения, в этой его части найдены также кости животных и невыразительные фрагменты керамики. Судя по материалу, засыпалась цистерна в краткие сроки, хронологического различия или разрыва между находками из разных частей заполнения не наблюдается. Находки из слоя над цистерной полностью идентичны материалу из

заполнения (некоторые фрагменты даже склеились), представлены фрагменты амфор второй половины IV в. до н.э. - херсонесских, косских, коринфских и т.п. Это показывает, что готовилась площадка для работ следующего строительного периода, остатки строений которого в виде каменных фундаментов стен выявлены непосредственно над засыпанной цистерной. Лепная керамика из цистерны кроме описанного выше сосуда гето-фракийского облика включает шесть фрагментов венчиков горшков с отогнутым краем, три из которых орнаментированы пальцево-ногтевыми вдавлениями; полный профиль мисочки, целую крышку и фрагмент другой, 25 фрагментов стенок сосудов, т.е. в целом набор лепной посуды вполне обычен.

Другой уникальной для поселения находкой является миска с туловом плавных очертаний, почти прямым венчиком с косо срезанным краем и симметрично расположенными массивными петельчатыми горизонтальными ручками, прикрепленными в месте наибольшего расширения тулова (рис. 2/1). Второй симметрично расположенной парой являются ручки-упоры, они выполнены в виде уплощенных горизонтально поставленных налепов, имеющих зубчатый край. Высота сосуда - 8 см, диаметр венчика - 18 см, диаметр дна - 9 см. Миска изготовлена из однородного керамического теста, плотного, темного со светлыми включениями, поверхность хорошо заглажена, она желтовато-рыжего оттенка, край венчика подлощен. В целом облик соответствует гетской керамике, о фракийском типе в данном случае могут свидетельствовать четыре ручки, закрепленные симметрично в месте наибольшего расширения тулова (Moscalu 1983, pl. XLIX-L; LXXXIX, 6; Мелюкова 1975, рис. 22/6). Миска относится к типу А варианту 3, наиболее близкие аналогии представлены в Бутучени и Джурджулешти (Атаџут 2003, 73, fig. 9/10, fig. 50/2). На территории к востоку от Днестра прямой аналогии нашему сосуду среди опубликованных материалов мы не обнаружили.

Эта миска была найдена *in situ* в хозяйственном помещении рядом с вымощенным двором наземной постройки второго строительного периода, который датируется последними десятилетиями IV-первой четвертью III вв. до н.э. Вместе с миской найден маленький сосуд индивидуальной формы (рис. 2/2).

Обнаружен фрагмент верхней части второй миски с ручкой-упором (рис. 2/4). Венчик почти прямой, край его косо срезан, диаметр - 16 см. Ручка-упор в виде подпрямоугольного косо посаженного выступа закреплена в месте наибольшего расширения тулова. Миска выделяется лощеной поверхностью, плотностью керамического теста и ровным обжигом, она изготовлена из серой глины с мелкими известковыми включениями и редкими частицами шамота. Обнаружен этот фрагмент среди завала сырца и черепицы вместе с другим керамическим мусором, среди которого выделяются фрагменты фасосских, хиосских и косских амфор. Здесь также были найдены: фрагмент стенки лепного сосуда, орнаментированного ниже перегиба горла налепным валиком с пальцевыми вдавлениями и ногтевыми насечками; фрагмент горшка больших размеров с отогнутым венчиком с орнаментом по перегибу горла в виде слабо выделенного треугольного в сечении валика, "раздавленного" пальцевыми вдавлениями; фрагмент горшка

с орнаментом в виде ряда пальцево-ногтевых вдавлений по перегибу горла; фрагмент венчика с мелкими пальцевыми вдавлениями по краю; три фрагмента неорнаментированных горшков с дуговидным горлом; часть лепной крышки, обломок которой был обнаружен в цистерне № 56. Эти сосуды изготовлены из более рыхлого керамического теста и содержат более крупные частицы примесей, следов лощения на них нет.

В разведочном раскопе I, заложенном западнее основного раскопа IV, среди мусорного заполнения полуземлянки № 2 имеется находка фрагмента стенки сосуда с удлинённым выступом конической формы, расположенным ниже перегиба горла (рис. 2/5). Поверхность сосуда серовато-коричневая, черепок в изломе красный, керамическое тесто промешано грубо. Аналогичная форма представлена на поселении Пояна (Teodor, Nicu, Ţau 2003, fig. 89/4). Среди более полутора тысяч керамических фрагментов, найденных в полуземлянке № 2, представлены все группы керамики, датируются они в пределах второй-третьей четвертей IV в. до н.э., единственное клеймо относится к середине столетия (Фасос: Дамастос/Мелинос/этникон по периметру с эмблемой). В их числе 300 фрагментов лепной керамики, относящихся минимально к 67 сосудам. Это неорнаментированные горшки средних размеров с отогнутым краем (не менее 13 экземпляров) или с пальцево-ногтевыми вдавлениями по краю, большие широкогорлые сосуды, чашки разных размеров, крышки.

Описанные индивидуальные находки резко выделяются на общем фоне лепного керамического комплекса Белозерского поселения (рис. 3), в котором преобладают фрагменты горшков средних размеров с резко или плавно отогнутым венчиком и округлым туловом. Они не имеют орнамента или же орнаментированы вдавлениями (пальцевыми, круглыми, овальными, косыми) по краю венчика или перегибу горла. В более редких случаях представлен орнамент в виде треугольного в сечении оттянутого валика, расположенного ниже перегиба горла. Все горшки имеют следы использования для варки пищи. Распространены обломки мисок разной профилировки, в том числе и с кольцевыми ручками, они повторяют форму кружальных одноручных и двуручных открытых сосудов. Повторяются в лепной керамике также и другие формы - гончарные кастрюли и горшки с закраиной для крышки, светильники. Встречаются обломки ножек, но целые экземпляры таких сосудов не встречены. Имеются находки лепных крышек для горшков и отверстия очага - плоских с вертикальными ручками. Керамическое тесто несколько различается в зависимости от формы и назначения сосуда. Поверхность лепных сосудов может быть заглажена, ангобирована, но не залощена.

Единичные экземпляры фракийской керамики, найденные вместе с многочисленной лепной керамикой других форм, не дают оснований для предположения о присутствии фракийцев в составе населения Белозерского поселения. Так же невозможно в этой ситуации объяснить появление новых типов керамики фракийским культурным влиянием. Эти находки, по-видимому, могут засвидетельствовать лишь осуществление эпизодических контактов жителей поселения с носителями данной традиции. Обычно

появление фракийских форм связывают с греческими колониями, а не с варварским миром (Мелюкова 1979, 182). В Ольвии и на Березани в позднеклассическое-раннеэллинистическое время появление фракийской керамики отмечено во второй половине IV в. до н.э., что совпадает с нашей хронологией, и связывается с инфильтрацией соответствующего населения (Марченко 1988, 86-87, 126), однако гипотеза К.К. Марченко о гето-фракийской восточной экспансии в связи с поражением Атея оспаривается (Мелюкова 1995, 30). По-видимому, единственный путь проникновения описанных выше сосудов на Белозерское поселение - это путь, связанный с Ольвией. Тем не менее среди опубликованных материалов Ольвии, Березани, приднестровских поселений (Диамант 1984; Бруяко, Суничук 1987; Диамант, Левина 1991), Никония (Бруяко 1993) нет полных аналогий нашим сосудам.

На материалах Ольвии К. К. Марченко проследил замену горшков с валиками и ручками-упорами (тип 5 вариант А по его классификации) сосудами, украшенными шишечками (гето-дакийские типы), отметив их редкость для III-I вв. до н.э. и объяснив заимствованиями (Марченко 1988, 128). На Белозерском поселении, прекратившем существование в конце первой четверти III в. до н.э., эти новые типы не появились.

Позднескифские городища

Для последующих приблизительно 150 лет поселений в Нижнем Поднепровье археологически не зафиксировано, а во второй половине II-на рубеже II-I вв. до н.э. появляются позднескифские городища (Былкова 1997). Находки фракийской керамики на этих памятниках сразу привлекли внимание исследователей, в них видели результат культурного влияния со стороны племен Карпато-Дунайского бассейна (Погребова 1958, 244-247) или же постепенного проникновения фракийских племен на восток (Вязьмитина 1969) и постоянного присутствия фракийцев в составе населения позднескифских городищ (Niculiță 2004, 141).

М. И. Вязьмитина связала с фракийским миром несколько форм керамики: большие корчаги и другие сосуды с упорами и шишковидными налестками, остросереберные миски, плоские на высоких ножках, кувшины с остроконечными выступами на ручках, дакийские чаши, сосуды типа керносов (1969, 123-129). Три последние формы встречаются редко и в рассматриваемых в данной статье коллекциях не представлены. Массовым материалом являются фрагменты лощеных мисок с выделенным ребром (рис. 9/9), однако их происхождение не определено окончательно. Аналогичные сосуды представлены в памятниках бастарнов (Teodor 1992, fig. 11/4-5; fig. 13/1-3), но также и в зарубинецкой культуре - их многочисленные находки объясняют постоянным проживанием на Нижнем Днепре зарубинецкого населения среднеднепровского варианта (Максимов 1978, 45-55; Максимов 1982, 72-74). Чаши на ножках, в том числе и высокие, встречаются довольно часто, но они имеют широкий ареал распространения и нельзя быть уверенным в их появлении под фракийским влиянием (Марченко 1975, 74-75). Сомнений не вызывает только происхождение сосудов с рельефным орнаментом (Teodor 1995, 18, fig. 4, 9), поэтому целесообразно в коллекциях выделить именно их. Эта керамика выделяется лощением и однородным

обжигом, но есть и nelloщенные фрагменты - просто хорошо заглажены жидкой глиной с обеих сторон. К сожалению, керамика измельчена, профилированные части встречаются редко и определить форму сосуда можно далеко не всегда.

В Херсонском краеведческом музее хранятся материалы раскопок и разведок на позднескифских городищах Нижнего Днепра со времени начала их исследования В.И. Гошкевичем до последних по времени работ экспедиции музея (ХКМ) под руководством М. И. Абикуловой. Коллекции и полевая документация были предложены для обработки автором раскопок, которой я выражаю свою искреннюю благодарность. Результаты раскопок экспедиции Херсонского краеведческого музея под руководством М.И. Абикуловой на Любимовском городище (левый берег Днепра, рис. 1, № 47) в 1988-1990 гг. (Абикулова 1989; 1990; 1991) и на Анновском городище (правобережье, рис. 1, № 40) в 1984, 1986, 1987 г. (Абикулова 1985; Абикулова, Гаврилюк, Черненко 1987; 1988) позволяют дополнить коллекцию фракийской керамики с позднескифских городищ, а также дают возможность использовать новые стратиграфические наблюдения. Можно также добавить, что практически не опубликованы хранящиеся там же коллекции первых разведок и раскопок на Любимовском городище, в 1927-1929 гг. проведенных И. В. Фабрициус. Одна корчага из этой коллекции в виде рисунка без указания размеров, описания и ссылки была включена в статью М. И. Вязьмитиной (1969, 127, рис. 4). Считаю нелишним дополнить, что этот сосуд (рис. 4/8; рис. 6/1) имеет лощеную поверхность красновато-желтого цвета (Munsell HUE 5YR 7/6), изготовлен из плотного темно-серого теста с мелкими светлыми включениями. Широкий венчик отогнут, в верхней части тулова помещены длинные дуговидные налесты- "змейки" в сочетании с округлыми налестами, ближе ко дну - сосцевидные налесты. Восстанавливаемая высота сосуда - 23 см, диаметр венчика - 19 см, диаметр тулова - 20 см. В этом случае наблюдается сочетание древнего гетского орнаментального мотива в виде цилиндрических и конических выступов с более поздними элементами. В разведочных раскопах на территории Любимовского городища экспедиции "Славутич 1" 1978 г. (материалы также хранятся в Херсонском музее) немногочисленные, но выразительные находки корчаг с рельефным орнаментом тоже были выделены (Зубар, Литвінова 1982, 111).

Далее описание раскопок на Любимовском и Анновском городищах излагается по указанным выше отчетам М. И. Абикуловой, во избежание повторов указаны только годы работ.

При раскопках *Любимовского городища* М. И. Абикулова выделила первый и второй строительные периоды со следующей датировкой: рубеж II-I в. до н. э. - I в. н.э. и конец I-II вв. н. э. соответственно. В двух раскопах на площади 340 м² найдены 25 фрагментов сосудов с рельефным орнаментом (рис. 4-6). К сожалению, неорнаментированные фрагменты этих и подобных сосудов не могли быть выделены в общей массе находок и использовать статистические данные по описям невозможно. Понятно, что указанное количество находок не отражает реального соотношения разных типов лепной керамики. Тем не менее, обращает на себя внимание тот факт, что находки фракийской керамики присутствуют в ранних комплексах, в объектах и культурном слое первого строительного периода.

В северо-восточной части городища в Береговом раскопе 1988 г. самым ранним сооружением является помещение № 1, предположительно хозяйственного назначения. Его углубили в материк, в среднем, на 1 м и две стенки котлована обложили известняковыми плитами. Первоначально помещение имело слабо утрамбованный глинобитный пол, а позже было вымощено камнем. Заполнение между двумя уровнями полов было плотным, пережженным и насыщенным материалом. В нем найдены 64 фрагмента амфор - девять конических ножек светлоглиняных амфор, а также профильные части амфор с двустольными ручками I в. до н.э.-I в. н.э. (Абикулова 1994, 78; Внуков 1988, 203-204; Внуков 2000, 58), обломки жаровни, 44 фрагмента лепных сосудов, три пирамидальных глиняных грузила, фрагмент бусины с четырехслойными выпуклыми глазками и мелкими выступами по краю, расположенными в шахматном порядке. Среди лепной керамики имеются фрагменты шести горшков с отогнутым краем венчика с заостренным или плоско срезанным краем - один из этих сосудов, по-видимому, имел биконическую форму; нижняя часть чашки на полой ножке; фрагмент толстостенного нелощеного сосуда ровного обжига с шишковидным налепом (рис. 5/1). Интересно, что столовая кружальная керамика здесь полностью отсутствовала.

Яма № 8 в Береговом раскопе 1988 г. определена автором отчета как самая ранняя, она полностью сооружена в материке, в плане круглая, в разрезе колоколовидная, с диаметром дна около 2 м, глубиной 1,44 м, первоначально использовалась как зернохранилище, затем была засыпана золой и мусором. В заполнении найдены фрагменты амфор раннего для городища типа - светлоглиняных южнопонтийских с двустольными ручками I в. до н. э. - I в. н. э. (Внуков 1993), а также фрагменты кружальных и лепных сосудов. Среди 66 лепных фрагментов имеются обломки трех лощеных мисок с выделенным ребром в верхней части тулова и еще минимально четырех хорошего качества серолощенных и чернолощенных сосудов, на одном из которых имеется орнамент в виде широкого шишковидного налета (рис. 5/2), а на другом сохранилась маленькая часть рельефной полоски, треугольной в сечении. В керамическом тесте этих сосудов присутствуют мелкие частицы шамота. Остальные профилированные части - восемь фрагментов венчиков и три фрагмента дна - принадлежат нелощеным горшкам с отогнутым краем и крышке. Кружальной посуды намного меньше - девять фрагментов красноглиняных сосудов и фрагмент венчика краснолаковой миски.

В заполнении синхронной ямы № 27 Берегового раскопа 1990 г. преобладает лепная керамика - найдены фрагменты одного нелощеного и одного чернолощенного сосудов, крышки и фрагмент стенки сосуда с кольцевидным орнаментом, изготовленного из серой глины с мелкими светлыми частицами, с ангобированной поверхностью (рис. 6/3). Из другого керамического материала присутствуют фрагменты амфор и два фрагмента сероглиняного кувшина.

Имеются находки желтолощенной - один фрагмент - и чернолощенной - два фрагмента - керамики с накладным орнаментом в зольнике (рис. 4/1-2)

вместе с фрагментами лощеной и нелощеной лепной керамики, в том числе мисок с выделенным ребром, чашек, горшков разных размеров. Зольник образовался в результате постепенного засыпания золой и мусором балки естественного происхождения, которая была заполнена до начала второго строительного периода.

Обращает на себя внимание тот факт, что фрагменты лепных лощеных и нелощеных сосудов с накладной орнаментацией во всех раскопах присутствуют в предматериковом слое (рис. 4/3-6; рис. 5/4-5) вместе с фрагментами лепных сосудов других типов. Имеются такие находки и в верхней части культурного слоя - три фрагмента (рис. 5/6), и в подъемном материале (рис. 4/7; рис. 6/1-2, 4-5).

В раскопах I и II на *Анновском городище* на площади 325 м² найдены 17 фрагментов сосудов с рельефным орнаментом (рис. 7). В данной статье не учитываются материалы из раскопов экспедиции Института археологии НАНУ 1986-1987 гг., в их предварительной публикации также упоминаются интересующие нас находки (рис. 8 - Гаврилюк, Абикулова 1991, I, рис. 13). Хронология существования Анновского городища в целом совпадает с Любимовским, но строительные периоды, по крайней мере в охранных раскопах прибрежной части, не выделены.

Керамика фракийского облика представлена в обоих раскопах, эти находки рассеяны, не наблюдается их сосредоточения в особых объектах, они сочетаются с лепной керамикой других типов. В раскопе I были выявлены разрушенные стены наземных построек, частично сооруженных из камня. Среди этих завалов из интересующих нас материалов обнаружены: фрагмент почти прямой стенки сосуда с узким рельефным валиком, сосуд имеет светложелтую поверхность (рис. 7/6); фрагмент стенки толстостенного сосуда с широким (1,7 см) налепным валиком, орнаментированным неглубокими пальцево-ногтевыми вдавлениями (рис. 7/7). Последний отличается от сосудов с налепными валиками предшествующего периода тем, что поверхность ангобирована и аккуратно заглажена с обеих сторон, а края валика четко подрезаны сверху и снизу. Вместе с ними найдены фрагменты нескольких мисок с выделенным ребром - они различаются между собой разной степенью залощенности и составом керамического теста. В серозолистом слое этого раскопа найдены фрагменты стенок трех лощеных сосудов с рельефным орнаментом, они различаются по цвету и составу глины: один - темно-серый с мелкими примесями шамота, второй серый - с крупными частицами шамота и слюдой (рис. 7/2), третий - серовато-желтый с мелкими примесями.

В золистом заполнении ямы № 2 раскопа I с материалами первых веков н. э. найден фрагмент слабоизогнутой стенки нелощеного сосуда, изготовленного из обычного теста с примесью шамота, с орнаментом в виде шишковидного выступа (рис. 7/12), фрагмент лощеного венчика предположительно корчаги; высокий массивный поддон сосуда, изготовленного из очень грубого теста; фрагменты одной миски и пяти горшков.

В раскопе II под завалом каменной стены и на его уровне найдены: фрагменты стенок с рельефными полосками возможно одного сосуда - лощеного с серовато-желтой поверхностью; три фрагмента стенок

нелощеных сосудов с маленькими шишкообразными налепами (рис. 7/9-11), фрагмент тулова нелощеной грубой корчаги рыжеватого оттенка с треугольным в сечении налипным валиком в форме подковы - по-видимому, часть более длинной изогнутой линии (рис. 7/4). Остальные лепные фрагменты относятся к нескольким десяткам горшков, пяти мискам, крышке, пяти чашечкам, сосуду с вертикальной петельчатой ручкой, кувшину, конической чашечке. Индивидуальной находкой являются фрагменты верхней части открытого сосуда с круглыми орнаментальными дополнениями по краю, по-видимому, он использовался в качестве светильника. К сожалению, не ясно, какой высоты была ножка, но сама чашечка с круглыми выступами аналогична находкам на гето-дакийских памятниках (Teodor 1999, 206, fig. 3/2-3). Фрагменты же ножек цилиндрической формы с широкой подставкой или поддоном (типа Teodor 1999, fig. 4/2, fig. 8/4, fig. 9/3-6) встречаются среди находок как Анновского, так и Любимовского городищ.

Фрагменты стенок рыжегато-желтых сосудов с рельефными полосками найдены также в золистом слое раскопа II (рис. 7/1, 8) и при зачистке его на уровне материка. В раскоп 1986 г. попал древний овражек, засыпанный золой с разнообразным материалом. В этом заполнении содержалось более 200 фрагментов лепных сосудов, но в основном стенок. Выделяется находка фрагмента верхней части нелощеного сосуда с короткой шейкой и отогнутым краем венчика с орнаментом в виде вертикальной налипной полоски, треугольной в сечении, закрепленной на горле и плечиках (рис. 7/5), диаметр венчика - 14 см. Остальные лепные формы, поддающиеся определению - горшки, миски, чашки.

Имеются находки стенок сосудов с накладным орнаментом и в подъемном материале. Наиболее выразителен фрагмент тулова сосуда с желтоватой лощеной внешней поверхностью, орнаментированной налипным валиком в виде изогнутой линии, начинающейся крутым завитком (рис. 7/3).

Сопоставление материалов двух этих городищ, расположенных на разных берегах Днестра, показывает практически полное совпадение керамики интересующих нас типов. В обеих коллекциях выделяются фрагменты светложелтых лощеных сосудов с орнаментом в виде накладных полосок разной конфигурации, а также серолощенных сосудов с накладным орнаментом; представлены также фрагменты нелощеных сосудов с шишкообразными налепами. Выявленные различия очень малы. Так в коллекции Анновского городища имеется находка стенки сосуда без следов лощения с широким, ровно подрезанным сверху и снизу, налипным валиком, на котором обозначены мелкие пальцево-ногтевые вдавления. Подобных находок в Любимовской коллекции не было, не отмечены они и среди опубликованного материала с других городищ. Различаются детали: на горшке из Анновского раскопа вертикальный налип закреплен необычно высоко - чуть ниже края венчика, на двух сосудах из Любимовки имеются накладные крутые завитки в форме почти полной окружности, а шишковидные налепы более разнообразны по размерам и форме, но такие

мелкие различия не существенны. Использование рельефной орнаментации в виде полосок и округлых выступов характеризует гето-дакийскую керамику (Teodor, Nicu, Țau 2003, 49 fig. 17).

Аналогии найденным на Любимовском и Анновском городищах сосудам представлены на других позднескифских памятниках Нижнего Днестра, в частности, среди материалов правобережных Золотой Балки и Гавриловского городища и левобережного Знаменского городища (Вязьмитина 1969, 124-127, рис. 1-3; Вязьмитина 1962, 126, рис. 64; Погребова 1958, 131-139, 208-211). Н. Н. Погребова обратила внимание на то, что подобные находки представлены в самых ранних слоях и комплексах (1958, 214-215). В отличие от позднескифских городищ Крыма, где появление рельефной орнаментации керамики связывают не только с фракийским миром, но и с местными традициями (Храпунов и др. 1994, 107-108), для нижнеднепровских городищ всегда подчеркивалась тесная связь с гето-дакийским населением (Погребова 1958, 246-247; Вязьмитина 1969). Круг аналогий, предложенных Н. Н. Погребовой и М. И. Вязьмитиной, можно расширить, но сам их вывод сохраняется неизменным.

Для понимания процесса проникновения фракийских элементов на позднескифские городища Нижнего Поднепровья целесообразно сравнить лепной комплекс этих памятников, расположенных во внутренней части региона, с ситуацией на поселениях ольвийской сельской округи. Самым отдаленным к востоку от Ольвии городищем римского времени считается *Золотой Мыс*, территориально относящийся к Нижнему Поднепровью (рис. 1, № 4). Результаты раскопок этого памятника экспедицией Херсонского краеведческого музея в 1980, 1981, 1983 гг. - раскопы IV и V (Абикулова и др. 1981; 1982; 1984) почти не опубликованы. Совершенно не введены в научный оборот материалы разведок Н.М. Дмитренко 1947 г., среди которых имеются выразительные находки (рис.10/26). В двух раскопах М.И. Абикуловой на площади 372,5 м² найдено 20 фрагментов сосудов с рельефным орнаментом. Одиннадцать из них обнаружены в раннем желтоглинистом слое раскопа IV 1983 г. (рис. 11), как и верхняя часть корчаги со слабоощенной серовато-желтой поверхностью (рис. 12). Они имеют орнамент в виде волнистых валиков на сосудах с желтым и серым лощением, в двух случаях сосуды с таким орнаментом лощения не имеют, маленькие шишковидные налеты имеются только на нелощеных горшках. Обнаружены подобные находки и в ранних ямах. В яме № 8 раскопа IV 1981 г., относящейся к началу второго строительного периода, обнаружен фрагмент корчаги со слабым серым лощением и рельефным орнаментом вместе с фрагментами неорнаментированного горшка с прямым краем и высоким горлом. В культурном слое раскопа IV 1980 г. найдены фрагменты грубых нелощеных корчаг с рельефным орнаментом в виде изогнутых налепных валиков, треугольных в сечении, и в виде налепного валика с мелкими пальцевыми вдавлениями.

В яме № 2 раскопа V найден фрагмент стенки нелощеного сосуда с налепом, напоминающим ручку-упор, среди более 100 лепных фрагментов выделяются горшки и сосуды на полых ножках. Еще три фрагмента характеризуют ранний желтоглинистый слой этого раскопа: два имеют

маленькие шишковидные налепы, они не заложены и покрыты сажей, на третьем сохранилась часть волнистого накладного орнамента, лощения нет, но обе поверхности промазаны жидкой глиной, сосуд рыжевато-желтого оттенка.

Находки совпадают с материалами позднескифских городищ - представлены светложелтые и серые лощеные сосуды с налепными полосками, горизонтально и вертикально расположенными; имеются фрагменты сосудов с шишкообразными налепами; рельефный орнамент имеется как на лощеных, так и на нелощеных сосудах. Но предположить проникновение фракийских элементов на позднескифские городища через памятники ольвийской сельской округи не представляется возможным из-за несовпадения хронологии. Возникновение сельских поселений после перерыва в существовании ольвийской сельской округи размещают в интервале между последней четвертью I в. до н.э. и первой четвертью I в. н.э. (Крыжицкий, Бураков, Буйских, Отрешко 1989, 154-155). Основание городища Золотой Мыс датируется концом I в. до н. э. - началом I в. н.э. (Буйских, 1993).

Проблема формирования позднескифской культуры на Нижнем Днепре

Выше уже отмечалось, что ранние поселения в регионе прекращают существование в первой четверти III в. до н.э., позднескифская группа памятников появляется не ранее второй половины II в. до н.э., памятники ольвийской сельской округи - не ранее последней четверти I в. до н. э. В связи с корректировкой хронологии, предположение первых исследователей о непрерывном развитии скифской культуры в Нижнем Поднепровье и ее трансформации в позднескифскую не может быть принято. Отсюда вытекает необходимость рассмотрения проблемы формирования позднескифской культуры на Нижнем Днепре. Не претендуя на ее полное разрешение, коснемся вопросов, связанных с типами лепной керамики.

В противовес мнению о постепенном проникновении фракийцев на уже существовавшие нижнеднепровские городища мы обращаем внимание на тот факт, что керамика фракийского облика присутствует на этих памятниках с самого начала их существования вместе с лепной керамикой других типов (рис. 9). В комплексе лепной керамики на всех позднескифских городищах выделяются горшки нескольких типов, лощеные миски с выделенным ребром, сосуды на ножках разной конфигурации и размеров, в небольшом количестве представлены кувшины, напоминающие кружальные или же сарматские формы, найдены крышки сосудов, имеются индивидуальные формы. На различие лепного комплекса позднескифских городищ Поднепровья и Крыма неоднократно указывали исследователи (Гаврилюк, Абикулова 1991). Складывание "позднескифских культур" на территории Крыма и Нижнего Поднепровья осуществлялось разными путями, эти вопросы требуют специального рассмотрения, что выходит за рамки данной статьи. Для нас принципиален тот факт, что керамика городищ Нижнего Поднепровья имеет аналогии именно на дунайско-карпатских территориях. Фракийский компонент, изначально присутствующий в позднескифской культуре, может указывать на западный регион ее формирования. В этом

случае целесообразно выделить район Добруджи, где также складывается Малая Скифия. На поселениях этого региона совмещается скифская, греческая и гетская посуда, в могильниках III- II вв. до н. э. сочетается обряд кремации и ингумации и представлена скифская керамика (Андрух 1995, 149-150). На этих территориях могли осуществляться контакты и с бастарнами. Обращает на себя внимание факт совпадения хронологии - упадок Малой Скифии в Добрудже, прослеживающийся со второй четверти II в до н.э., и завершение ее существования в последней четверти II-начале I вв. до н.э. совмещается во времени с появлением позднескифских городищ на Нижнем Днепре. В качестве предварительной гипотезы представляется возможным связать эти два события. Комплекс лепной керамики позднескифских городищ Нижнего Днепра может быть отражением разнообразных контактов, осуществлявшихся еще в Добрудже. Сарматский компонент, сравнительно слабо выраженный в культуре позднескифского населения, мог быть добавлен уже на территории Нижнего Поднепровья. Аргументом против непосредственного присутствия фракийцев на этих памятниках выступает, как известно, отсутствие кремации в погребальном обряде населения нижнеднепровских городищ. Это скорее предполагает не отдельное перемещение фракийского населения, а этническое смешение - если оно имело место наряду с культурным влиянием - еще на территории Добруджи. Но следует учесть единичные находки погребений по обряду кремации на стороне в курганах, расположенных в непосредственной близости от городища Золотая Балка (Зубарь, Кубышев 1987). Поскольку одно из этих погребений было совершено в каменном ящике, можно допустить, что и каменные ящики Золотобалковского могильника, ни один из которых не содержал человеческих костей (Вязьмитина 1972, 98-100), были связаны с обрядом кремации.

Таким образом, можно в качестве предварительной гипотезы высказать предположение о передвижении во второй половине II в. до н. э. населения с территории Нижнего Подунавья в восточном направлении вплоть до Днепра.

Подобные предположения требуют специального рассмотрения и более основательных доказательств, которые в данном случае не могут быть приведены. В качестве задачи на будущее выступает необходимость сопоставления археологических данных с разных территорий, где зафиксированы варианты позднескифской культуры ("Малых Скифий"), как между собой, так и с памятниками населения их непосредственного окружения.

БИБЛИОГРАФИЯ:

Абікулова, М. І. 1994: *Керамічна тара з пізньоскифських пам'яток Нижнього Дніпра*, Археологія, 3, с. 78-84.

Абикулова, М. И., Бураков, А.В., Зубарь, В.М. 1981: *Отчет о раскопках городища "Золотой Мыс" в 1980 г.*, Архив Херсонского краеведческого музея (ХКМ), ф. р3665/2, д. 125/110 №№ 21-3, Херсон-Киев, 45 л.

Абикулова, М. И. 1985: *Отчет о раскопках Анновского позднескифского городища за 1984 г.*, Архив ХКМ, ф. р3665/2, д.125, №№ 48-3, Херсон, 18 л.

- Абикулова, М. И., Гаврилюк, Н. А., Черненко, Е. В. 1987: *Отчет о раскопках Анновского позднескифского городища в 1986 г.*, Архив ХКМ, ф. р3665/2, д. 100/125, №№ 63-3, Херсон-Киев, 32 л.
- Абикулова, М. И., Гаврилюк, Н. А., Черненко, Е. В. 1988: *Отчет о раскопках Анновского позднескифского городища в 1987 г.*, Архив ХКМ, ф. р3665/2, д. 100/125, №№ 75-3, 100 л.
- Абикулова, М. И. 1989: *Отчет о раскопках Любимовского позднескифского городища за 1988 г.*, Архив ХКМ, ф. р3665/2, д. 39/125, №№ 86-93, Херсон, 26 л.
- Абикулова, М. И. 1990: *Отчет о раскопках Любимовского позднескифского городища за 1989 г.*, Архив ХКМ, ф. р3665/2, д. 73/125, №№ 99-103, Херсон, 21 л.
- Абикулова, М. И. 1991: *Отчет о раскопках Любимовского позднескифского городища за 1990 г.*, Архив ХКМ, ф. р3665/2, д. 193/125, №№ 109-113, Херсон, 28 л.
- Андрух, С. И. 1995: *Нижнедунайская Скифия в VI- начале I в. до н.э. (Этно-политический аспект)*, Запорожье, 206 с.
- Бруяко, И. В. 1993: *Лепная керамика греческого Никония, Древности причерноморских степей*, Киев, с. 58-71.
- Бруяко, И. В., Суничук, Е. Ф. 1987: *Лепная керамика из поселения Овидиополь I*, Новые исследования по археологии Северного Причерноморья, Киев, с. 129-134.
- Буйских, С. Б. 1993: *Охранные работы на Золотом Мысу*, Археологічні дослідження на Україні в 1992 р., Київ, с. 28-29.
- Буйских, С. Б., Былкова, В. П. 1994: *К проблеме этнокультурной атрибуции нижнеднепровских памятников V-III вв. до н.э.*, Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: Тез. докл., Запорожье, с. 31-34.
- Билкова, В. П. 1994: *До питання про східну межу сільської округи Ольвії в пізньокласичний-ранньоелліністичний час*, Археологія, 3, с. 19-31.
- Былкова, В. П. 1991: *Нижнее Поднепровье в IV-II вв. до н.э.*, Проблемы археологии Северного Причерноморья, Херсон, с. 69-75.
- Былкова, В. П. 1997: *О хронологии поселений Нижнего Поднепровья античной эпохи, Никоний и античный мир Северного Причерноморья*, Одесса, с. 186-192.
- Внуков, С. Ю. 1993: *Новые типы позднесинопской амфорной тары*, РА, 3, с. 204-213.
- Внуков, С. Ю. 2000: *Псевдокосские амфоры Причерноморья*, РА, 4, с. 54-63.
- Внуков, С. Ю. 1988: *Широкорылые светлоглиняные амфоры Северо-Западного Крыма*, СА, 3, с. 198-206.
- Вязьмитина, М. И. 1962: *Золота Балка. Поселення сарматського часу на Нижньому Дніпрі*, Київ, 239 с.
- Вязьмитина, М. И. 1972: *Золотобалковский могильник*, Киев, 190 с.
- Вязьмитина, М. И. 1969: *Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днепра*, Древние фракийцы в Северном Причерноморье, МИА, 150, с. 119-134.
- Гаврилюк, Н. А. 1981: *Распространение лепной керамики степной Скифии IV-III вв. до н.э.*, Актуальные проблемы археологических исследований в УССР: Тез. докл., Киев, с. 58-59.
- Гаврилюк, Н. А., Абикулова, М. И. 1991: *Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья (новые материалы): Препр.*, Киев, ч. I - 46 с., ч. II - 47 с.
- Гаврилюк, Н. А., Былкова, В. П., Кравченко, С. Н. 1992: *Скифские поселения IV в. до н.э. в Степном Поднепровье (Препринт)*, Киев, ч. I - 57 с., ч. II - 48 с.
- Диамант, Э. И. 1984: *Лепная керамика античных поселений побережья Одесского залива IV-III вв. до н.э.*, Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья, Киев, с. 127-143.
- Диамант, Э. И., Левина, Э. А. 1991: *Лепная керамика Кошарского поселения, Северо-Западное Причерноморье - контактная зона древних культур*, Киев, с. 87-94.

Дмитров, Л. Д., Зуц, В. Л., Копилов, Ф. Б. 1961: *Любимівське городище рубежу нашої ери*, АП УРСР, т. X, с. 78-100.

Елагина, Н. Г. 1962: *Новое позднескифское городище на Нижнем Днепре*. КСИА АН СССР, вып. 89, с. 74-76.

Зубарь, В. М., Кубышев, А.И. 1987: *Погребальные комплексы рубежа нашей эры из Нижнего Поднепровья*, СА, 4, с. 248-253.

Зубар, В. М., Літвінова, Л. В. 1982: *Роботи експедиції "Славутич" у 1978 р.*, Археологія, 38, с. 110-112.

Крыжицкий, С. Д., Буйских, С. Б., Бураков, А. В., Отрешко, В. М. 1989: *Сельская округа Ольвии*, Киев, 240 с.

Максимов, Є. В. 1978: *Взаємовідносини зарубинецьких та степових племен Подніпров'я*, Археологія, 28, с. 45-55.

Максимов, Е. В. 1982: *Зарубинецька культура на території УРСР*, Киев, 183 с.

Марченко, К. К. 1988: *Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII- первой половине I в. до н.э.*, Ленинград, 143 с.

Марченко, К. К. 1975: *Классификация лепной керамики Ольвии второй половины IV- первой половины I в. до н.э.*, КСИА АН СССР, с. 70-76.

Марченко, К. К. 1974: *Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VII-I вв. до н.э.*, ВДИ, 2, с. 149-162.

Мелюкова, А. И. 1995: *Новые данные о скифо-фракийских взаимоотношениях в IV-III вв. до н.э.*, РА, 1, с. 28-36.

Мелюкова, А. И. 1975: *Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка*, Москва, 259 с.

Мелюкова, А. И. 1979: *Скифия и фракийский мир*, Москва, 256 с.

Погребова, Н. Н. 1958: *Позднескифские городища на Нижнем Днепре (Городища Знаменское и Гавриловское)*, МИА, 64, с. 103-247.

Сальников, А. Г. 1966: *Итоги полевых исследований у с. Пивденное*, МАСП, 5, с.176-225.

Фабрициус, І. В. 1930: *Любимівське городище (Розкопування 1926, 1927, 1929)*, Вісник Одеської комісії краєзнавства, ч. 4-5, с. 113-118.

Храпунов, И. Н. и др. 1994: *Позднескифское поселение Золотое Ярмо*, Проблемы истории и археологии Крыма, Симферополь, с. 88-126.

Arnăuț, T. 2003: *Vestigii ale sec. VII-III a. Chr. in spatiul de la Rasarit de Carpati*, Chisinau, 407 p.

Avram, A. 1996: *Histria. Les resultats des fouilles.VIII. Les timbres amphoriques. 1. Thasos*, Bucarest-Paris, 176 p.

Debidour, M. 1986: *En classant les timbres Thasiens*, Recherches sur les amphores grecques, BCH, Suppl. 13, p. 311-334.

Moscalu, E. 1983: *Ceramica traco-getica*, Bucuresti, 514 p.

Niculicișă, I. 2004: *Spatiul Est-Carpatic in perioada dominatiei romane la Dunarea de Jos*, Thraco-Getica. Studii si materiale, Chișinău, p. 136-145.

Teodor, S. 1992: *Cercetarile arheologice de la Lozna-Hlibicioc, judetul Botosani*, Arheologia Moldovei, XV, p. 45-70.

Teodor, S. 1999: *Corps a eclairer geto-daces*, Thraco-Dacica, XX, 1-2, p. 205-216.

Teodor, S. 1995: *Decorul pe vasele borcan geto-dacice*, ArhMold, 18, p. 17-31.

Teodor, S., Nicu M., Țău S. 2003: *Ceramica din asezarea geto-dacica de la Poiana judetului Galati*, ArhMold, XXIII-XXIV/2000-2001, p. 21-182.

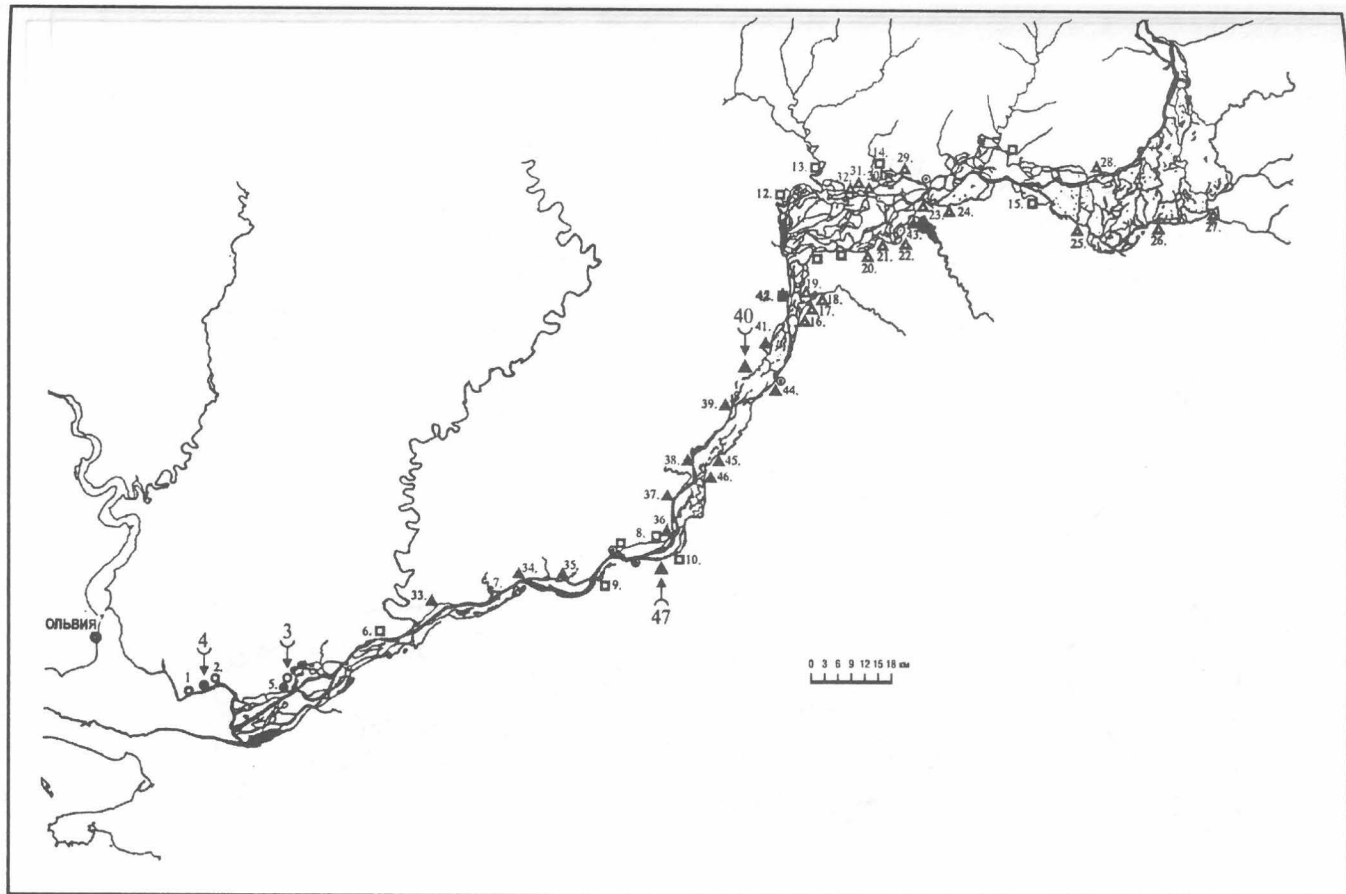


Рис. 1. Карта расположения поселений: Белозерское - № 3, Золотой Мыс - № 4, Анновское - № 40, Любимовское - № 47.

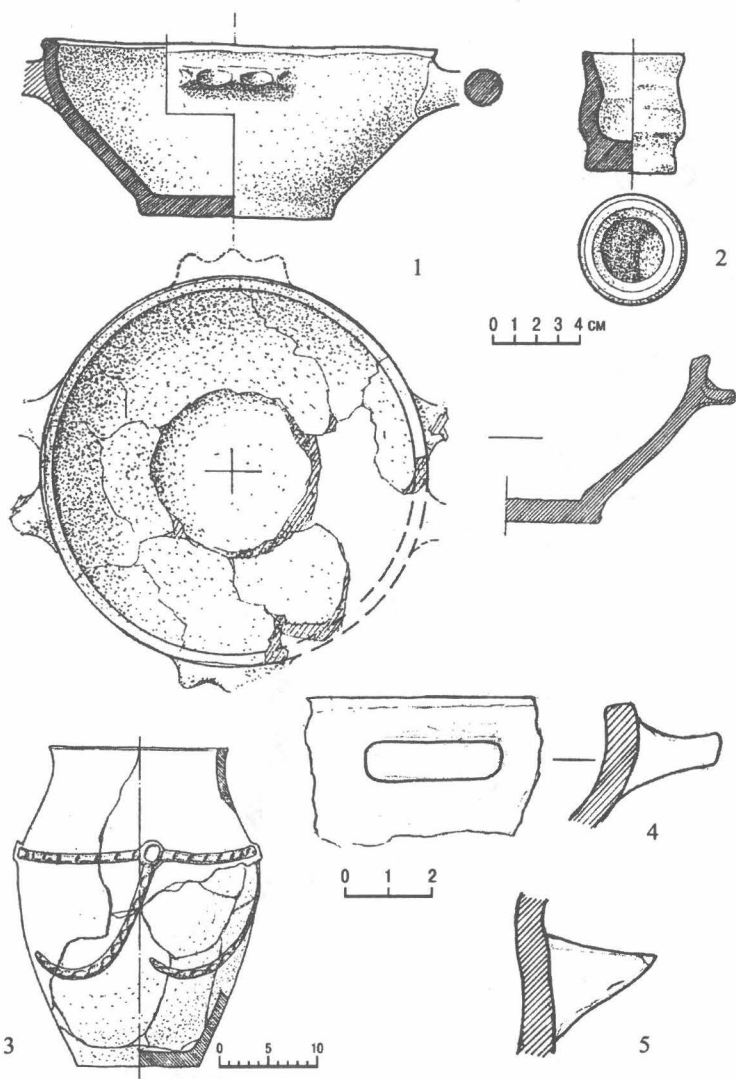


Рис. 2. Керамика фракийского облика (1, 3-5), Белозерское поселение.

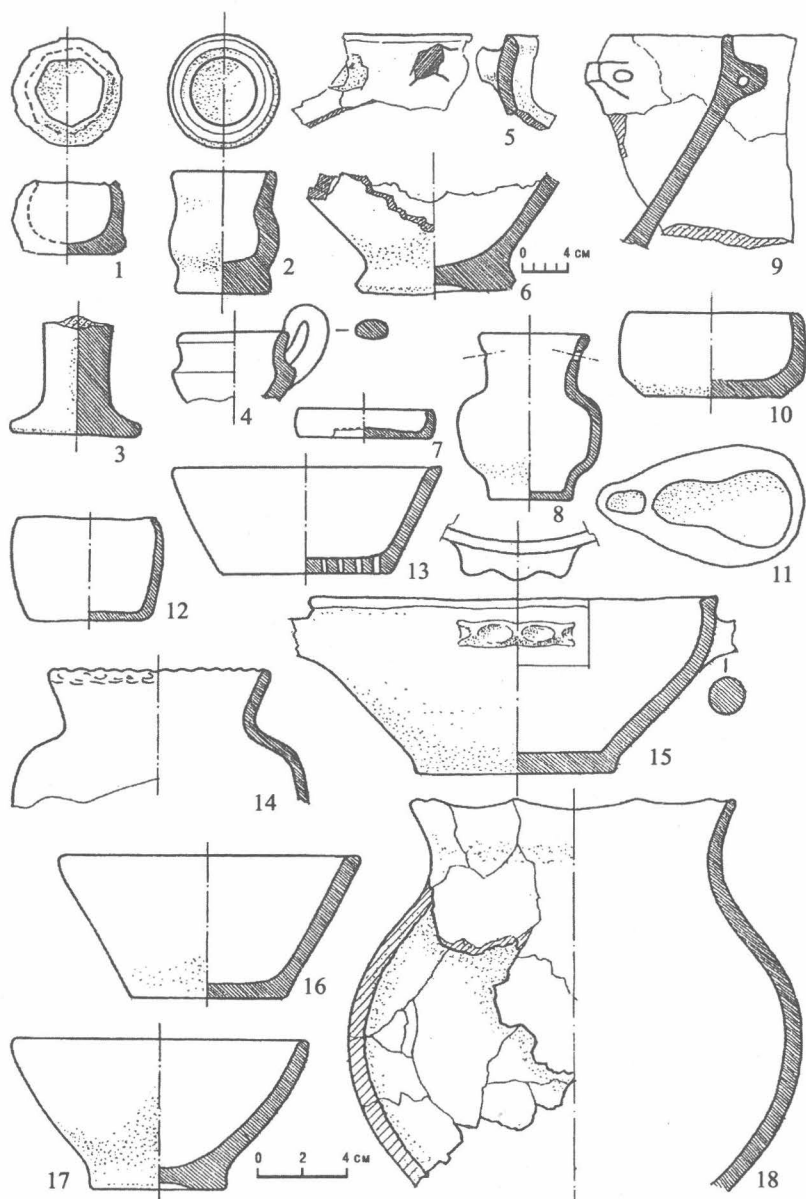


Рис. 3. Лепная керамика с Белозерского поселения.

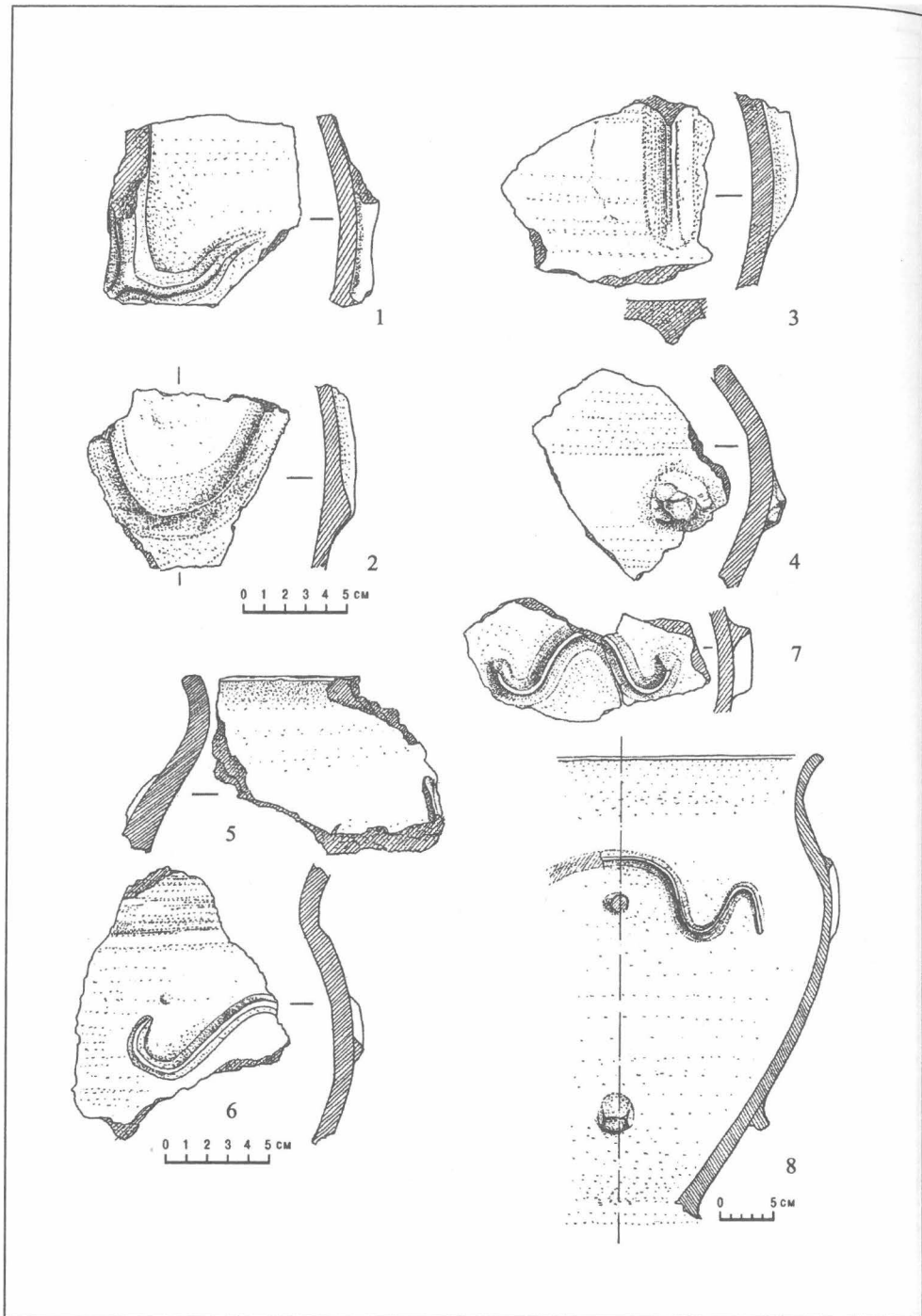


Рис. 4. Керамика фракийского облика (1-7. раскопки М.И. Абикуловой, 8. разведки И.В.Фабрициус), Любимовское городище.

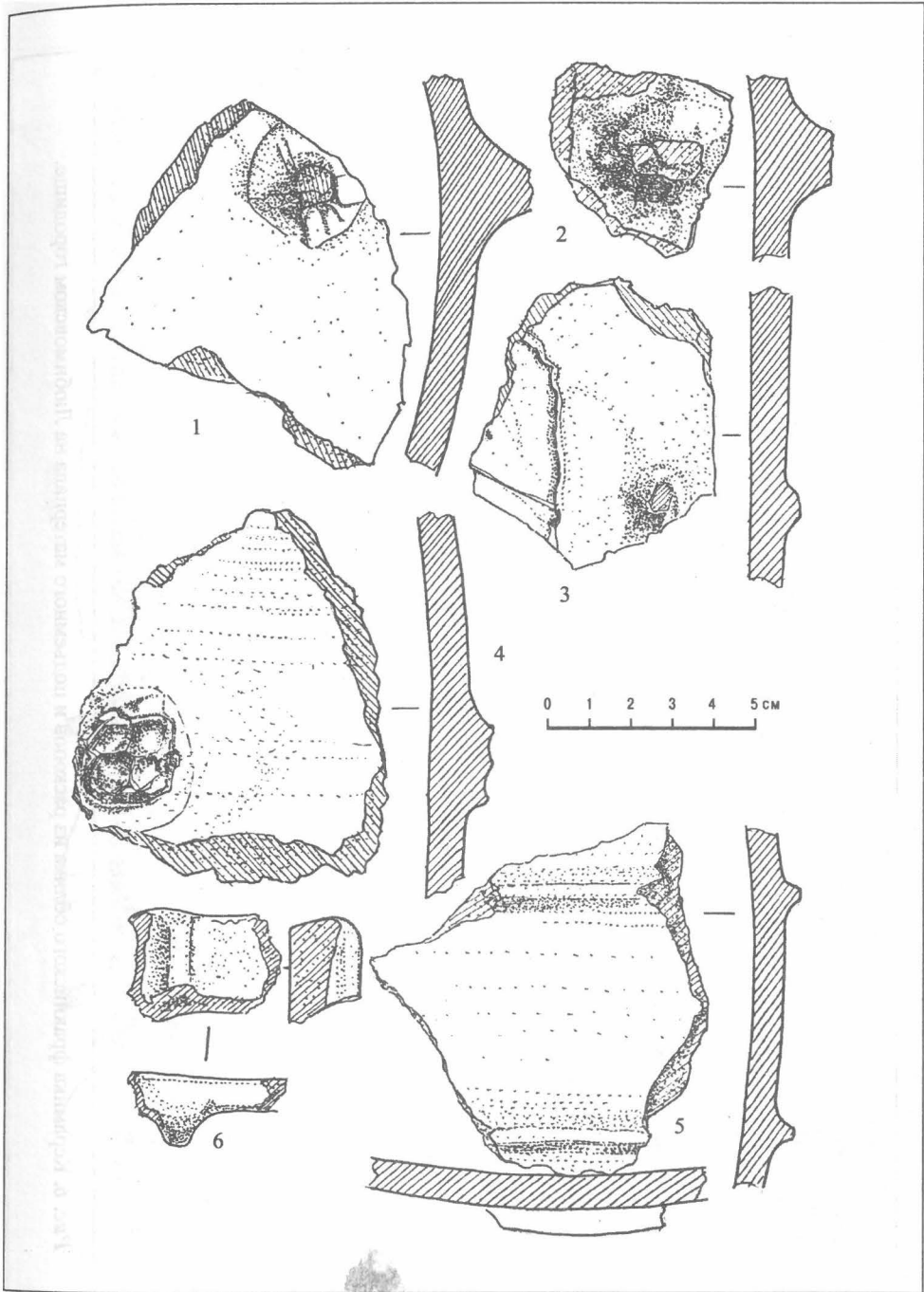


Рис. 5. Керамика фракийского облика из Берегового раскопа 1988 (1-5) и 1990 г. (6), Любимовское городище, раскопки М.И. Абикуловой.

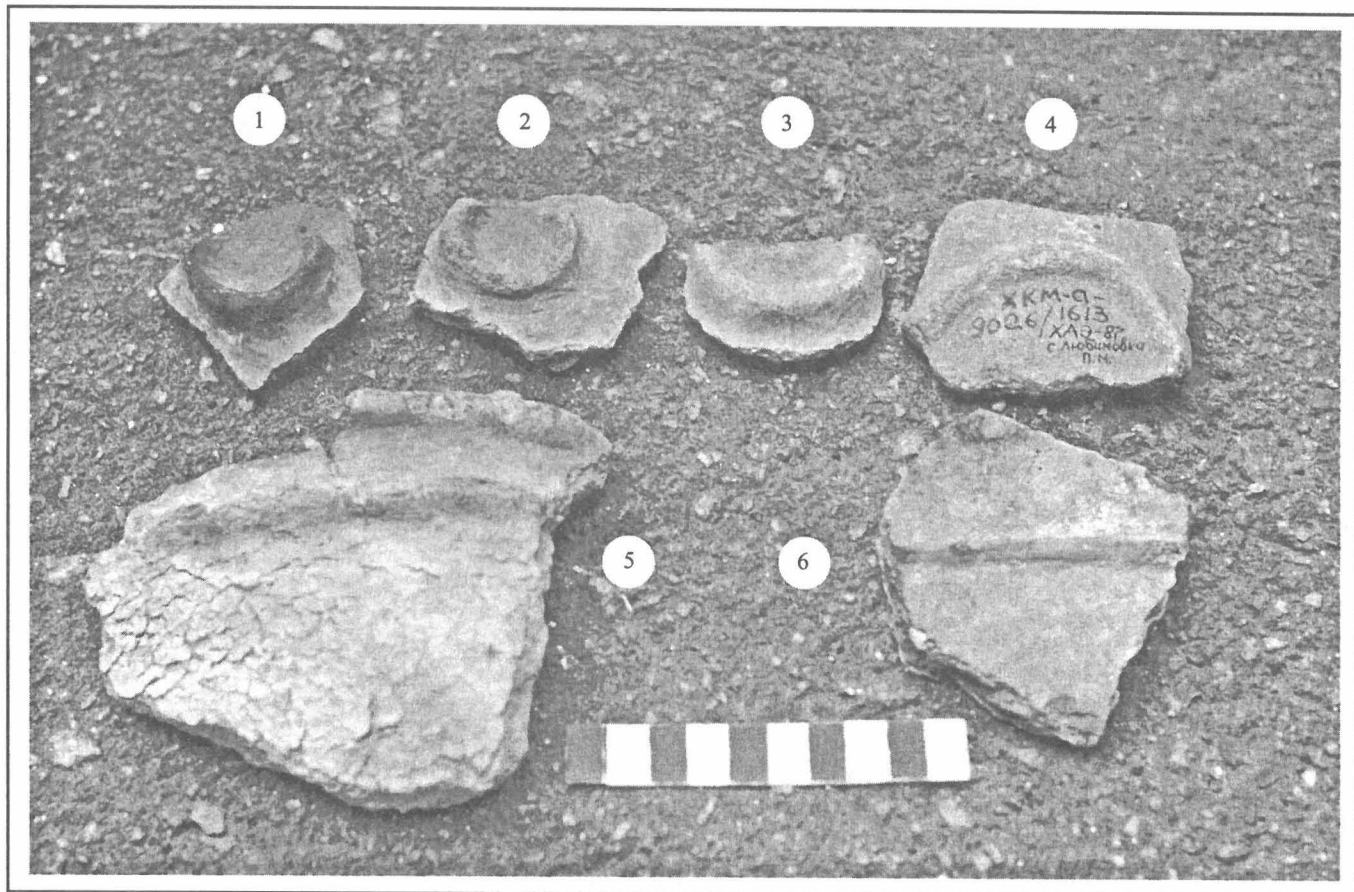


Рис. 6. Керамика фракийского облика из раскопов и подъемного материала на Любимовском городище.

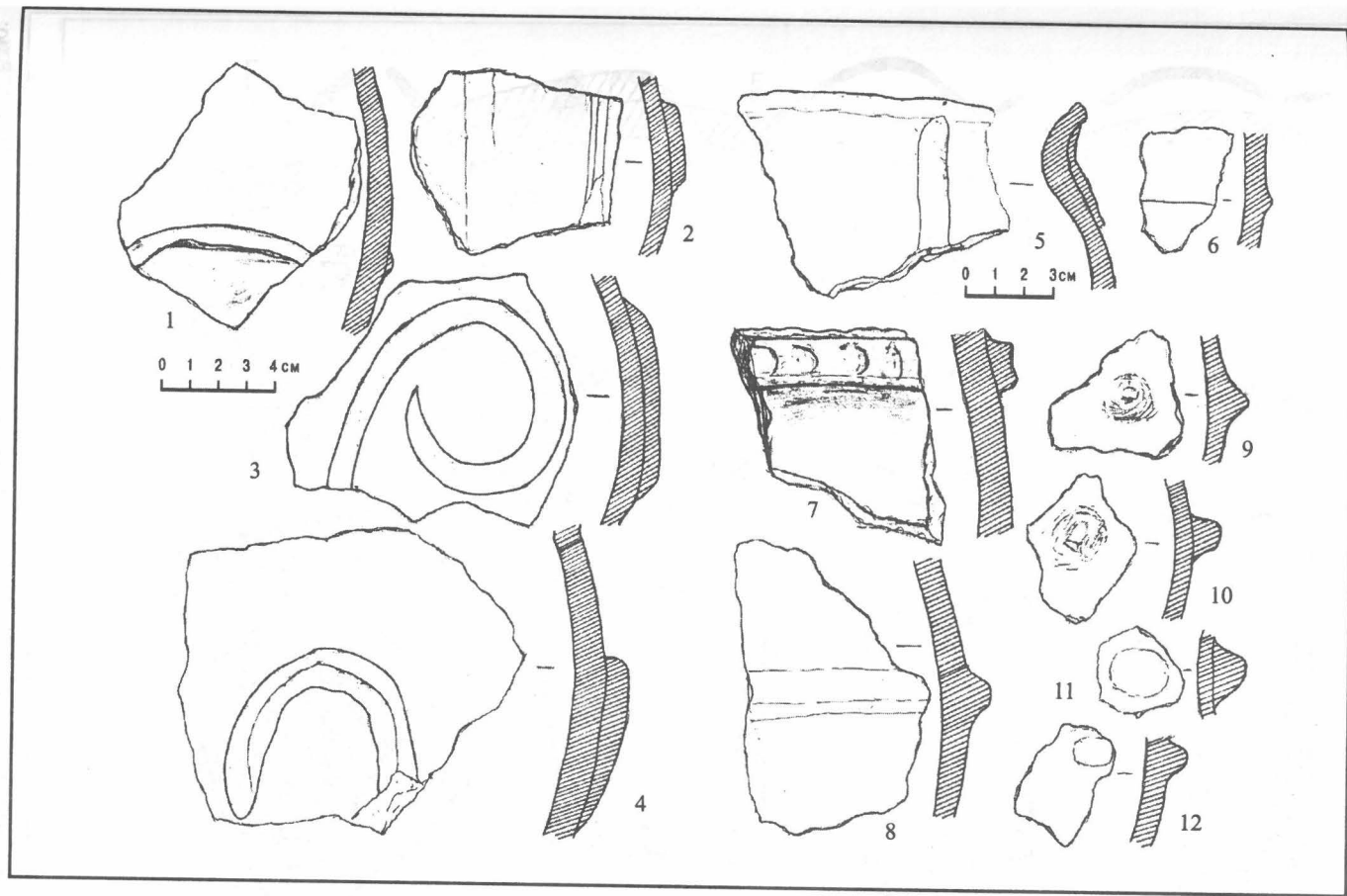


Рис. 7. Керамика фракийского облика из раскопов I и II на Анновском городище, раскопки М.И. Абикуловой.

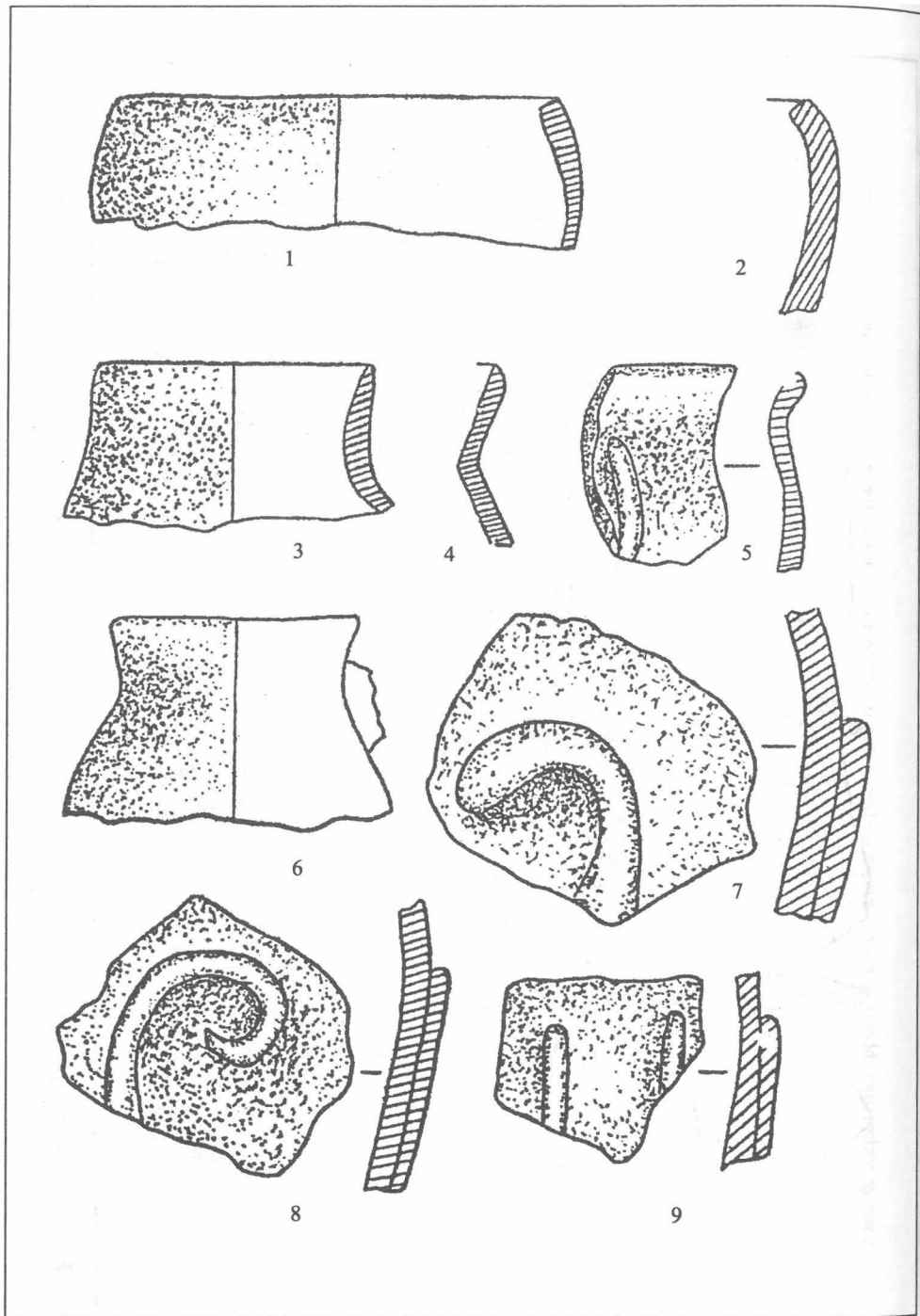


Рис. 8. Керамика из раскопов на Анновском городище экспедиции ИА АН УССР по: Гаврилюк, Абикулова 1991, I, 41, рис. 13.

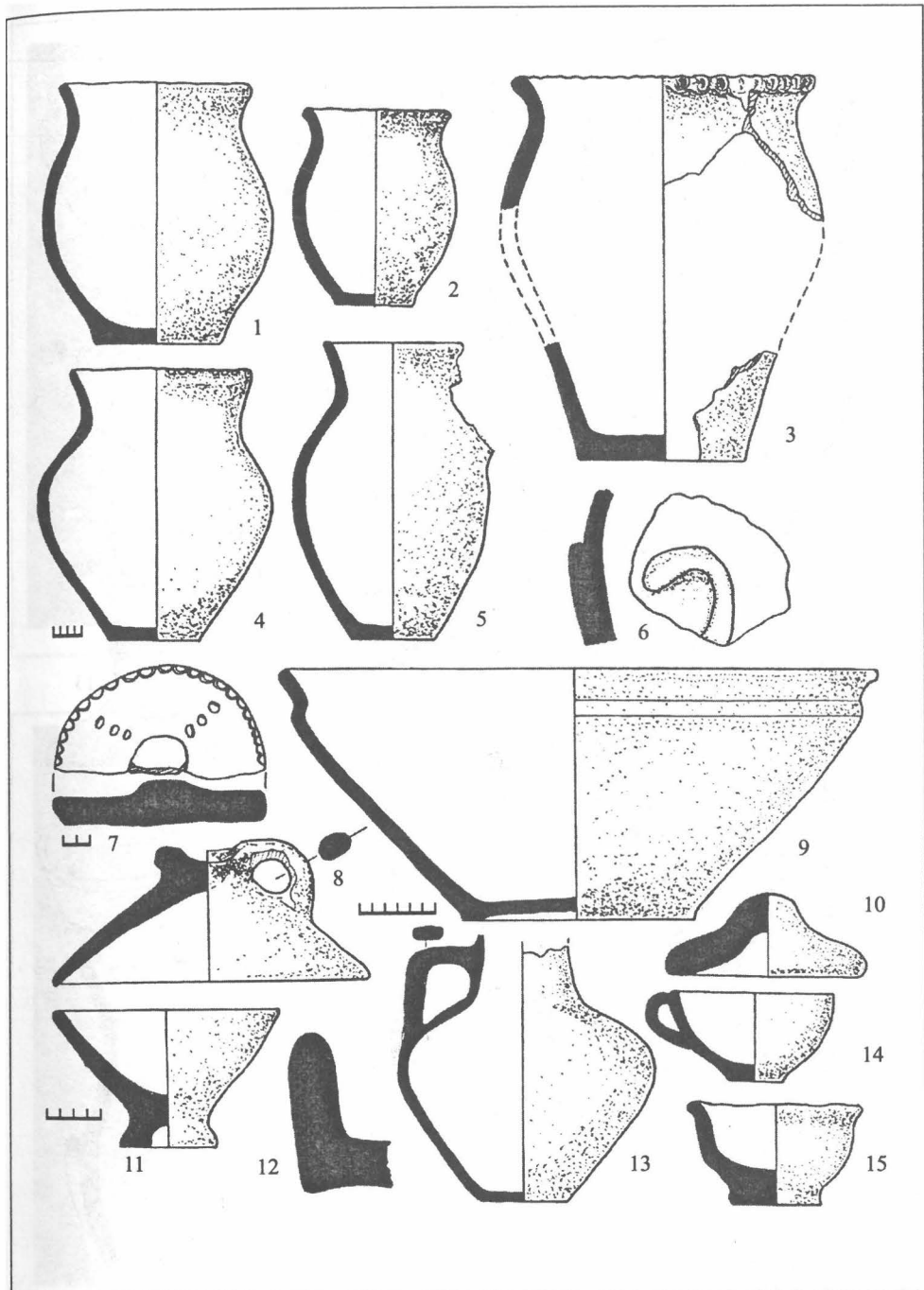


Рис. 9. Лепная керамика с позднескифских городищ из фондов Херсонского краеведческого музея: 1. Львовское; 2. Золотая Балка; 3, 5, 8-11, 15. Любимовское; 4, 6, 12, 13. Анновское; 7, 14. Гавриловское.

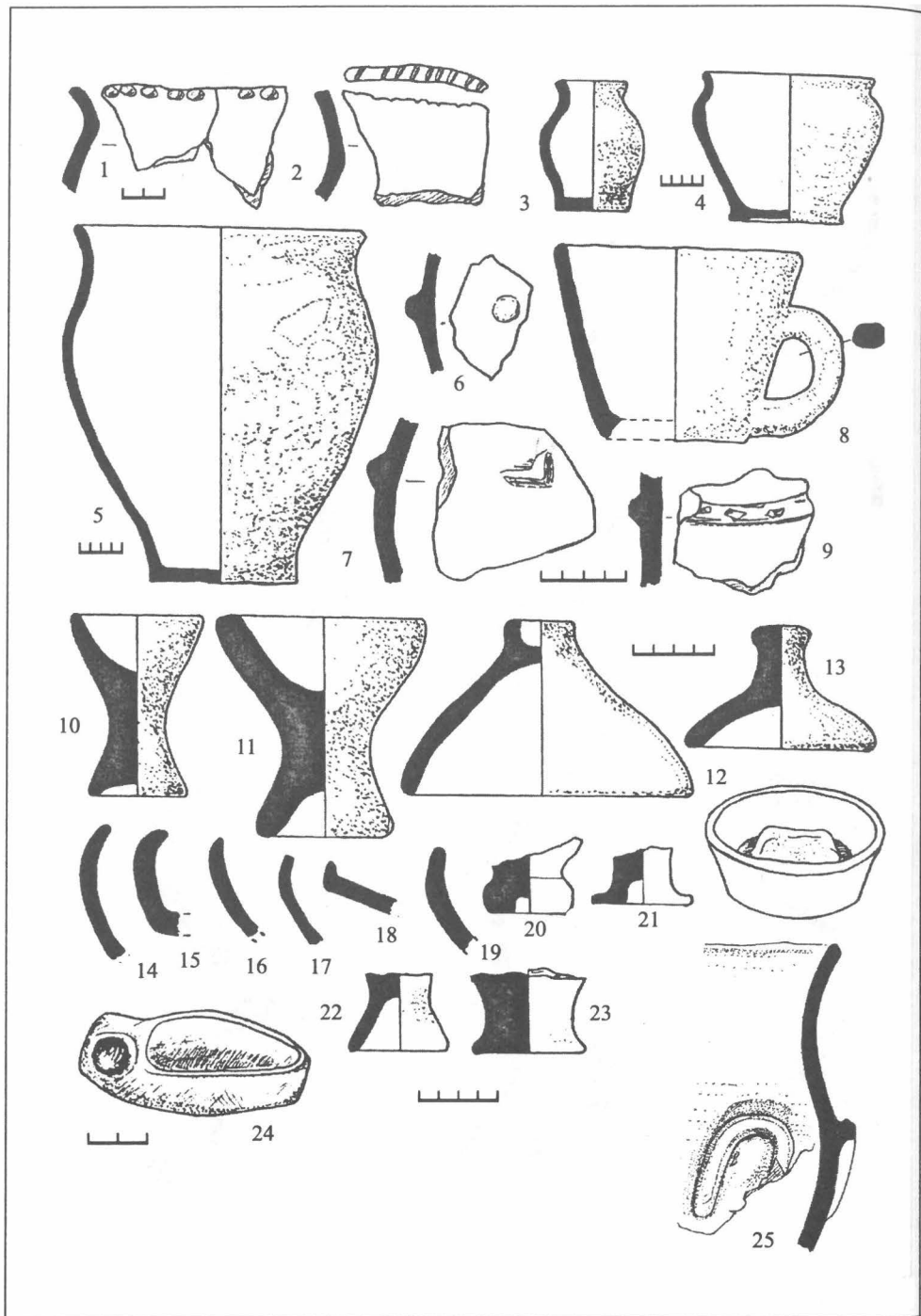


Рис. 10. Лепная керамика с городища Золотой Мыс, раскопки М.И.Абикуловой.

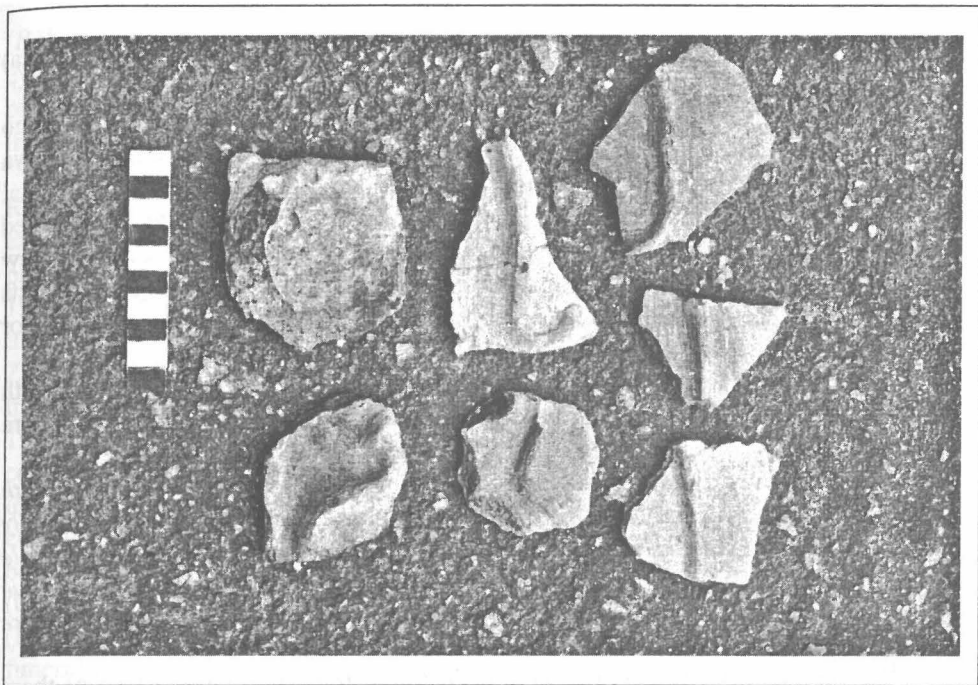


Рис. 11. Керамика фракийского облика с городища Золотой Мыс.

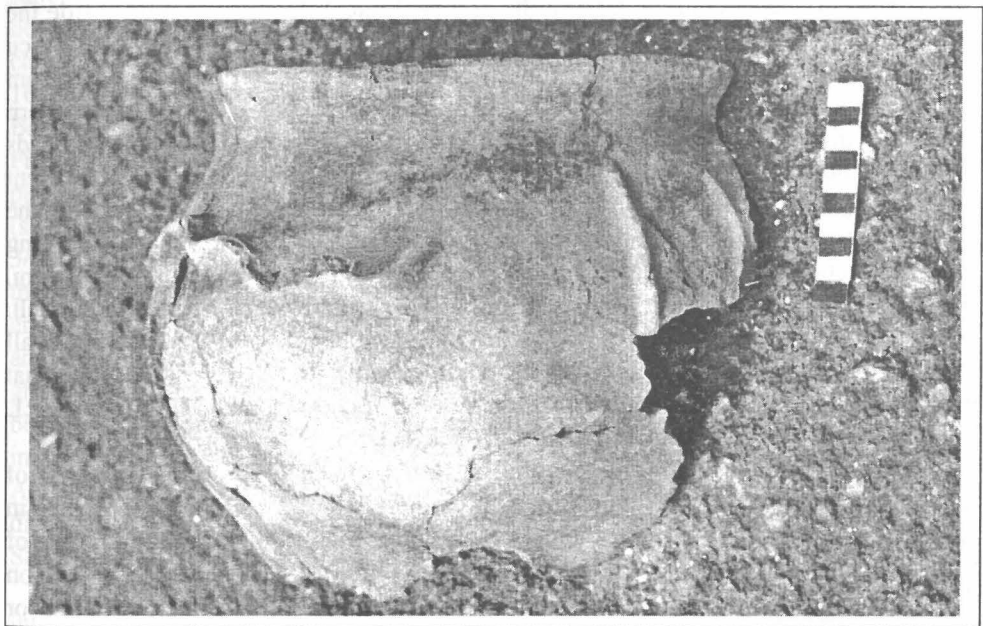


Рис. 12. Корчага из раскопа IV городища Золотой Мыс, раскопки М.И.Абикуловой.